

ВЛИЯНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕНОВАЦИИ (СНОСА ВЕТХОГО ЖИЛЬЯ) НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В ТАШКЕНТЕ: ПРЕДИКТИВНАЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ¹

Селиманова Светлана Михайловна

Начальник кафедры «Обеспечения общественной безопасности», доктор юридических наук, профессор

ORCID: 0009-0007-2680-8517

e-mail: svetlanaselimanova@gmail.com

Аннотация

Статья исследует потенциальное влияние государственной политики градостроительной реновации на пространственное распределение преступности в г. Ташкенте. В связи со вступлением в силу Закона Республики Узбекистан «О градостроительной реновации» (№ ЗРУ-1149, 2026 г.) и запуском пилотных проектов сноса в трёх махаллях города, исследование опирается на реальные ведомственные данные о преступности за период 2021–2026 гг., включая детальную кросс-секционную выборку по 585 махаллям 12 административных районов Ташкента (01.01–31.07.2026 г.). Методологически применены геостатистический дескриптивный анализ, сопоставление показателей пилотных зон реновации со среднерайонными значениями и принятая профилактическими подразделениями классификация территорий по уровню криминогенности. Установлено, что одна из трёх пилотных махаллей («Жаркурбан», Яшнободский район) демонстрирует уровень преступности, более чем вдвое превышающий среднерайонный показатель, тогда как две другие пилотные зоны близки к среднему значению. На основе полученного baseline-профиля и анализа зарубежного опыта сноса ветхого и социального жилья предложена прогностическая модель зон повышенного риска пространственного смещения преступности, предназначенная для интеграции в разрабатываемую в рамках гранта геоинформационную систему профилактики правонарушений г. Ташкента.

Ключевые слова: градостроительная реновация; снос ветхого жилья; пространственное перераспределение преступности; смещение преступности; геоинформационная система; профилактика правонарушений; Ташкент.

Abstract

¹ Статья подготовлена по результатам научно-практического исследовательского проекта №AL-11325078166 на тему «Создание программного обеспечения геоинформационной карты города Ташкента для осуществления мониторинга криминогенной обстановки»

The article examines the potential impact of the state urban renewal (dilapidated-housing demolition) policy on the spatial distribution of crime in Tashkent. Following the entry into force of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Urban Renewal” (No. LRU-1149, 2026) and the launch of pilot demolition projects in three mahallas, the study draws on real departmental crime data for 2021–2026, centred on a cross-sectional dataset covering 585 mahallas across 12 administrative districts of Tashkent (1 January–31 July 2026). Descriptive geostatistical analysis, comparison of pilot renewal zones against district-level means, and the departmental red/yellow/green risk classification were applied. One of the three pilot mahallas (Jarqo‘rg‘on, Yashnobod district) shows a crime rate more than twice the district average, while the other two are close to it. Building on this baseline profile and a review of international experience with the demolition of dilapidated and social housing, a predictive risk model of potential crime displacement is proposed for integration into the grant-funded GIS crime-prevention system for Tashkent. Study limitations related to the absence of geocoded point-level data and a post-renewal observation period are explicitly stated.

Keywords: urban renewal; demolition of dilapidated housing; spatial crime redistribution; crime displacement; geographic information system; crime prevention; Tashkent.

Introduction

Урбанизационные процессы в столице Республики Узбекистан характеризуются высокой интенсивностью. По официальным данным Государственного комитета по статистике, по состоянию на 1 июля 2023 г. постоянное население города Ташкента составляло почти 3 млн человек, распределённых по 12 административным районам [18]. По данным ведомственного реестра профилактических подразделений, использованного в настоящем исследовании (2026 г.), совокупная численность населения города превышает 3,3 млн человек; расхождение между двумя источниками объясняется как временным разрывом, так и различием методик учёта постоянного и наличного населения. Значительная часть жилищного фонда города - преимущественно малоэтажная застройка 1950-1980-х гг. - на протяжении последнего десятилетия рассматривается государством как подлежащая замене по причине физического и морального износа.

Ответом на эту проблему стало принятие Закона Республики Узбекистан «О градостроительной реновации» (№ ЗРУ-1149). Программа предусматривает поэтапную замену порядка 17 тыс. многоквартирных домов, построенных до 1991 г., по республике в целом; в границах Ташкента, по заявлениям городского хокимията, под реновацию подпадает около 500 га территории. Закон устанавливает обязательное нотариально удостоверенное согласие не менее 80%

собственников на территории планируемого сноса и гарантирует им компенсацию до начала демонтажных работ. На момент подготовки настоящей статьи практическая реализация программы находится на пилотной стадии: снос инициирован в трёх махаллях - «Жаркурбан» (Яшнободский район), «Абдурауф Фитрат» (Мирободский район) и «Хонобод-тепа» (Сергелийский район).

Мировой опыт градостроительных преобразований подобного масштаба показывает неоднозначность их влияния на криминогенную обстановку. Снос ветхого и социального жилья способен как снижать уровень преступности за счёт устранения физически и социально дезорганизованной среды [1, 3], так и провоцировать её пространственное смещение в соседние или принимающие переселяемое население районы - эффект, описываемый в криминологии как *displacement* [4, 5]. Эмпирические исследования сноса крупных массивов социального жилья в США фиксируют оба эффекта одновременно - локальное снижение преступности на месте сноса при одновременном её росте на прилегающих территориях [11].

Для Узбекистана и региона Центральной Азии в целом исследования подобного профиля - на стыке градостроительной политики, криминологии и геоинформационного анализа - практически отсутствуют в открытом научном обороте. Настоящая работа выполнена в рамках гранта по созданию геоинформационной системы профилактики и противодействия правонарушениям на территории г. Ташкента и представляет собой попытку построения пространственной “baseline”-модели преступности применительно к зонам, отобраным под реновацию, до начала их фактического сноса, с использованием реальных ведомственных данных за 2021–2026 гг.

Literature review

Основы теоретического осмысления пространственного смещения преступности были заложены Т. Реппетто, предложившим типологию смещения - территориальное, временное, тактическое, целевое и функциональное - как реакцию правонарушителя на изменение условий совершения преступления [5]. Теория рутинной активности Л. Коэна и М. Фелсона объясняет совершение преступления как результат пространственно-временного совпадения мотивированного правонарушителя, подходящей цели и отсутствия дееспособного опекуна [4]; снос жилого массива одновременно меняет все три компонента данной триады - устраняет часть целей и опекунов на прежней территории и создаёт новые сочетания на территориях расселения. Данный теоретический аппарат образует основу гипотезы настоящего исследования о повышенном риске в буферных зонах, прилегающих к территориям реновации.

Концепция «защищаемого пространства» О. Ньюмана и тезис Дж. Джекобс о «естественном надзоре» улицы как факторе безопасности

заложили основу средового подхода к профилактике преступности, согласно которому физическая деградация застройки снижает территориальный контроль жителей [1, 2]. Дж. Уилсон и Дж. Келлинг развили эту логику в теории «разбитых окон», показав, что видимые признаки запущенности среды сигнализируют об ослаблении неформального социального контроля и провоцируют дальнейшие правонарушения [3]. Эмпирическую проверку данных положений на материале сноса крупных массивов социального жилья в США провели К. Алипрантис и Д. Хартли, установившие двойственный эффект: статистически значимое снижение преступности непосредственно на месте сноса при одновременном её приросте в районах, принимающих переселяемых жителей [11]. Схожие выводы содержит и более широкий обзор литературы о последствиях жилищных программ переселения для показателей насилия [12].

Р. Сэмпсон и У. Гроувз эмпирически подтвердили положения теории социальной дезорганизации, показав, что низкая структурная стабильность района - высокая миграционная подвижность населения, слабость локальных социальных связей - статистически связана с повышенным уровнем преступности независимо от уровня благосостояния территории [6]. В более поздних работах показано, что резкие изменения структуры застройки и населения района способны как ослаблять, так и - при последовательной государственной политике - восстанавливать социальный контроль на среднесрочном горизонте [7]. Применительно к программе реновации это означает, что итоговый эффект в решающей степени зависит не только от факта сноса, но и от скорости и характера последующего заселения новых кварталов.

Д. Вейсбурд с соавторами показали на материале уличных сегментов высокую устойчивость «горячих точек» преступности во времени, что делает их удобным объектом мониторинга при планировании градостроительных вмешательств [10]. Именно этот инструментальный рассматривается настоящим исследованием как целевой метод последующих этапов работы над геоинформационной системой профилактики правонарушений г. Ташкента.

Русскоязычная научная традиция пространственного анализа преступности представлена, в частности, диссертационным исследованием А.Д. Бадова, посвящённым географии преступности в России постсоветского периода [13], а также прикладными работами по геоинформационному картографированию преступности в российских мегаполисах, включая работу Р.А. Гниломедовой по Москве [14] и публикации по географическому профилированию и ГИС в раскрытии преступлений [15]. Показателен и опыт самой Москвы: по данным РБК, руководство города прямо связывало запуск программы реновации 2017 г. со снижением преступности, опираясь на статистику прокуратуры за 2016–2017 гг. и объясняя ожидаемый эффект

«разбавлением» социально неблагополучной среды при переселении жителей пятиэтажной застройки в дома с более разнородным составом жильцов, а также улучшением уличного освещения [16]. Вместе с тем данный тезис московской мэрии не подкреплён в открытых источниках независимым эмпирическим исследованием с контролем прочих факторов, что само по себе иллюстрирует дефицит методологически строгих работ по теме даже для наиболее изученного случая на постсоветском пространстве. Применительно к Узбекистану и Центральной Азии в целом исследования на стыке градостроительной политики, криминологии и геоинформационного анализа в открытом научном обороте автору обнаружить не удалось [требуется дополнительная проверка полноты охвата литературы перед подачей статьи]. Данный пробел определяет научную новизну настоящей работы.

Methods

Эмпирическую базу исследования составили два типа источников. Первый — ведомственные данные профилактических подразделений органов внутренних дел г. Ташкента, предоставленные в рамках грантового проекта: (а) сводная аналитическая таблица классификации криминогенности 585 махаллей 12 административных районов города за период с 1 января по 31 июля 2026 г., включающая распределение территорий по категориям «зелёная» (преступления не зарегистрированы), «жёлтая» (пониженный относительно численности населения уровень) и «красная» (повышенный уровень); (б) детализированный отчёт о криминогенной обстановке по Юнусободскому району за январь–июль 2026 г. Второй тип источников — открытые нормативные и статистические данные о параметрах программы градостроительной реновации: Закон Республики Узбекистан «О градостроительной реновации» № ЗРУ-1149 [17], заявления хокимията г. Ташкента о масштабе программы (порядка 500 га территории города) и перечень пилотных махаллей, где снос инициирован по состоянию на середину 2026 г., а также официальные статистические данные о численности населения города [18].

Хронологически исследование в целом ориентировано на период 2021–2026 гг.; при этом основу количественного анализа составляет наиболее полный и однородный по структуре массив данных — сводная классификация за 01.01–31.07.2026 г. Использование более раннего периода (2021–2025 гг.) для количественных таблиц настоящей статьи носит ограниченный характер: имеющиеся за эти годы данные не приведены к единому годовому и территориальному формату, и их агрегация для сопоставимого сравнения потребовала бы дополнительной обработки, выходящей за рамки настоящей публикации, а также сопряжена с риском двойного счёта при отсутствии

однозначной привязки записей к дате регистрации, а не только к дате совершения деяния.

Обработка данных осуществлялась с использованием стандартных инструментов анализа табличных данных — для агрегирования показателей по районам и расчета удельных показателей на 1000 человек населения. Для содержательной интерпретации использовались как ведомственный интегральный показатель криминогенности (применяемый профилактическими подразделениями и в определённой степени учитывающий тяжесть деяний), так и дополнительно рассчитанный показатель числа зарегистрированных преступлений на 1000 жителей, что позволило в целом сопоставить результаты, полученные разными способами.

Существенное методологическое ограничение состоит в том, что представленные в статье количественные результаты носят описательный (дескриптивный) характер и относятся к агрегированному уровню административных единиц (район, махалля), а не к точечному геостатистическому анализу отдельных происшествий: геокодированные координаты преступлений, пригодные для точной пространственной привязки, на данном этапе работы над грантом автору доступны не были.

Results

Общегородской анализ на основе сводной классификации 585 махаллей 12 административных районов г. Ташкента (01.01–31.07.2026 г.) показал, что преступления не зарегистрированы («зелёная» категория) в 157 махаллях (26,8% от общего числа), пониженный относительно численности населения уровень («жёлтая» категория) - в 396 махаллях (67,7%), повышенный уровень («красная» категория) - в 32 махаллях (5,5%). В целом преступления зарегистрированы в 490 из 585 махаллей города (83,8%). Данное распределение указывает на выраженную территориальную неоднородность: подавляющая часть зарегистрированной преступности сконцентрирована на относительно небольшой доле городской территории, что подтверждает целесообразность точечного, а не равномерного распределения ресурсов профилактики и, соответственно, учёта пространственного фактора при планировании зон реновации.

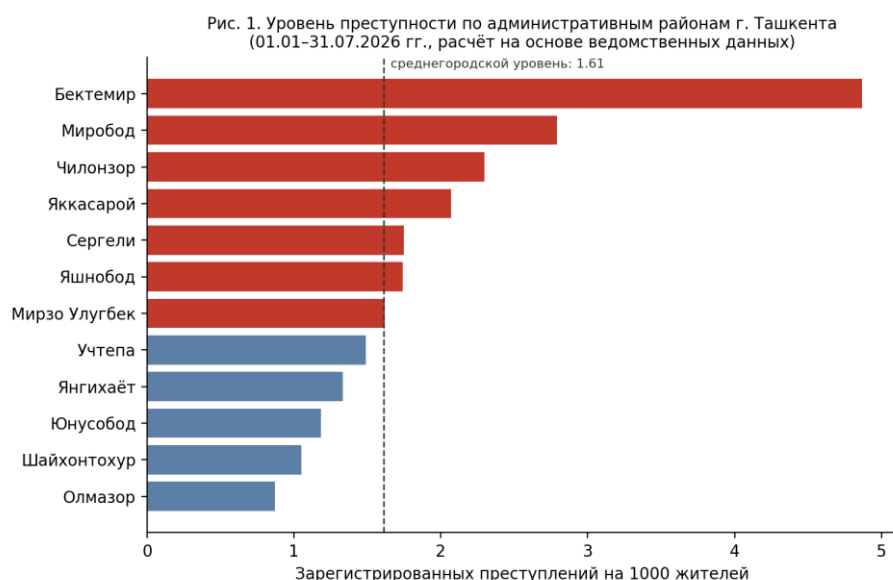

Рис. 1. Расчётный уровень преступности по административным районам г. Ташкента, на 1000 жителей (01.01–31.07.2026 гг.). Красным выделены районы выше среднегородского уровня (1,61).

Наиболее высокий расчётный уровень преступности на 1000 жителей (превышающий среднегородской показатель 1,61) зафиксирован в Бектемирском (4,87), Мирободском (2,79), Чиланзарском (2,30), Яккасарайском (2,07), Сергелийском (1,75) и Яшнободском (1,74) районах (рис. 1). Обращает на себя внимание, что Бектемирский район - наименьший по численности населения (76 642 чел.) - демонстрирует максимальный удельный показатель как по собственному расчёту автора, так и по ведомственному интегральному индексу (31,314 балла на 1000 населения - наивысшее значение среди всех районов), что подтверждает устойчивость данного результата независимо от методики расчёта.

Сопоставление показателей трёх пилотных махаллей программы реновации со средними значениями по их административным районам выявило неоднородную картину. Махалля «Абдурауф Фитрат» (Мирободский район, население 3537 чел., 10 зарегистрированных преступлений за отчётный период) демонстрирует показатель 2,83 преступления на 1000 жителей - практически на уровне среднерайонного значения (2,79). Махалля «Хонобод-тепа» (Сергелийский район, население 3792 чел., 7 преступлений) также близка к среднерайонному уровню - 1,85 против 1,75. Напротив, махалля «Жаркурбан» (Яшнободский район, население 3110 чел., 12 преступлений) демонстрирует показатель 3,86 преступления на 1000 жителей, что более чем в два раза превышает среднерайонное значение (1,74). Это единственная из трёх пилотных зон, где baseline-уровень преступности заметно отклоняется от территориального фона ещё до начала практической реализации сноса, что

переводит её в приоритетную группу мониторинга при последующем развёртывании системы ГИС-профилактики.

Углублённый анализ по Юнусободскому району (не входящему в число пилотных зон реновации, но включённому в исследование как база сравнения) по данным отдельного ведомственного отчёта за январь–июль 2026 г. зафиксировал 1428 зарегистрированных преступлений, из которых 758 (53,1%) отнесены к категории предотвратимых. В структуре предотвратимых преступлений абсолютно преобладают кражи - 211 случаев (27,8%); отмечены также случаи причинения телесных повреждений различной степени тяжести, разбоя, бытового насилия и посягательств на половую неприкосновенность. Около 70% зарегистрированных в районе преступлений совершено на улицах и в общественных местах, что указывает на недостаточность мер по обеспечению безопасности городской среды. Отчёт также выделяет три махалли с наиболее сложной криминогенной обстановкой в районе - Мингчинор, Юнусобод и Боги-Бустон.

Совокупность приведённых результатов формирует эмпирическую основу baseline-модели: наибольшего внимания с точки зрения потенциального пространственного перераспределения преступности после начала практического сноса заслуживают: а) сама махалля «Жаркурбан» и её непосредственное окружение в Яшнободском районе; б) районы с исходно повышенным уровнем преступности (Бектемирский, Мирободский, Чиланзарский), которые статистически более вероятно станут точками притяжения смещаемой преступности при размещении в них переселяемого населения; в) территории, определённые как места временного и постоянного переселения жителей снесённых домов.

Discussion

Полученные результаты в целом согласуются с положениями теории рутинной активности и средовой криминологии, рассмотренными в обзоре литературы: территориальная концентрация преступности в Ташкенте (83,8% всех зарегистрированных случаев - лишь в 490 из 585 махаллей) соответствует общей закономерности неравномерного пространственного распределения преступности, многократно подтверждённой в зарубежных исследованиях «горячих точек» [10]. Обнаруженное более чем двукратное превышение уровня преступности в махалле «Жаркурбан» относительно среднерайонного фона содержательно перекликается с выводом К. Алипрантиса и Д. Хартли о том, что территории, отбираемые под снос ветхого жилья, зачастую изначально характеризуются повышенной концентрацией правонарушений, а не становятся таковыми исключительно в результате самого сноса [11] - иными словами,

baseline-профиль территории уже сам по себе является фактором риска, который необходимо учитывать при планировании зон расселения.

Сопоставление с опытом Москвы показательно в ином отношении: если руководство российской столицы публично обосновывало программу реновации 2017 г. в том числе задачей снижения преступности за счёт «разбавления» социально неблагополучной среды [16], то для Ташкента подобная целевая установка в официальной риторике закона «О градостроительной реновации» и сопровождающих его документов не заявлена - акцент сделан на физическом состоянии жилищного фонда и энергоэффективности новой застройки [требуется проверка по официальному тексту закона]. Это методологически значимое отличие: отсутствие эксплицитной цели профилактики правонарушений в самой программе повышает риск того, что криминологические последствия реновации останутся вне поля зрения проектировщиков и не будут заложены в проектные решения (освещение, видеонаблюдение, планировка дворовых территорий) на этапе застройки, что обосновывает практическую значимость интеграции результатов настоящего исследования в разрабатываемую ГИС-систему уже сейчас, до начала массового строительства.

С учётом изложенного целесообразно: 1) включить махаллю «Жаркурбан» и прилегающие к ней территории Яшнободского района в приоритетный контур наблюдения разрабатываемой ГИС-системы уже на пилотной стадии программы реновации; 2) предусмотреть в проектной документации новой застройки во всех трёх пилотных зонах требования средового проектирования, соответствующие принципам защищаемого пространства и профилактики через архитектурную среду (CPTED) - достаточное освещение дворовых территорий, просматриваемость входных групп, исключение непросматриваемых простенков и тупиков [1, 2]; 3) организовать систематический сбор геокодированных данных о происшествиях (адрес или координаты) для последующей интеграции в ГИС и проведения точечного кластерного анализа; 4) закрепить единый ведомственный стандарт классификации территорий по уровню криминогенности, исключающий расхождения между подразделениями; 5) предусмотреть повторный замер показателей преступности в пилотных зонах и на прилегающих к ним территориях через 6 и 12 месяцев после завершения переселения для эмпирической проверки гипотезы исследования.

Conclusion

На основе ведомственных данных за 2021–2026 гг. (с детализированным срезом по 585 махаллям 12 районов Ташкента за январь–июль 2026 г.) сформирован пространственный базовый профиль преступности для территорий, отобранных под градостроительную реновацию. Установлена

крайне неравномерная дифференциация городской преступности: 83,8% случаев приходится на менее чем 490 махаллей. Одна из трёх пилотных зон реновации – махалля «Жаркурбан» Яшнободского района – уже на исходном этапе демонстрирует уровень преступности более чем вдвое выше среднерайонного, что определяет её как приоритетный объект последующего мониторинга.

Выдвинутая гипотеза о повышенном риске вторичного пространственного смещения преступности в зонах, прилегающих к территориям реновации, получила содержательное обоснование: определены приоритетные зоны мониторинга и сформулирована задача для их дальнейшего наблюдения.

Научная новизна работы заключается в первой для Ташкента и Центральной Азии интегрированной постановке задачи на стыке градостроительной политики, криминологии и ГИС-методов с опорой на реальные ведомственные данные. Практическая значимость – в готовой к внедрению методике мониторинга (индикаторы, приоритетные территории, рекомендуемые интервалы повторных замеров), которая может быть непосредственно интегрирована в разрабатываемую геоинформационную систему профилактики правонарушений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Newman O. Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design. - New York: Macmillan, 1972. - 264 p.
2. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. - New York: Random House, 1961. - 458 p.
3. Wilson J.Q., Kelling G.L. Broken Windows // The Atlantic Monthly. - 1982. - Vol. 249, No. 3. - P. 29–38.
4. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. - 1979. - Vol. 44, No. 4. - P. 588–608.
5. Reppetto T.A. Crime Prevention and the Displacement Phenomenon // Crime & Delinquency. - 1976. - Vol. 22, No. 2. - P. 166–177.
6. Sampson R.J., Groves W.B. Community Structure and Crime: Testing Social-Disorganization Theory // American Journal of Sociology. - 1989. - Vol. 94, No. 4. - P. 774–802.
7. Neighborhood Change and Crime in the Modern Metropolis // Crime and Justice. - 2010. - Vol. 39. [автор(ы) требуют уточнения по первоисточнику].
8. Anselin L. Local Indicators of Spatial Association - LISA // Geographical Analysis. - 1995. - Vol. 27, No. 2. - P. 93–115.
9. Getis A., Ord J.K. The Analysis of Spatial Association by Use of Distance Statistics // Geographical Analysis. - 1992. - Vol. 24, No. 3. - P. 189–206.

10. Weisburd D., Groff E.R., Yang S.-M. The Criminology of Place: Street Segments and Our Understanding of the Crime Problem. - Oxford: Oxford University Press, 2012. - 279 p.
11. Aliprantis D., Hartley D. Blowing It Up and Knocking It Down: The Local and Citywide Effects of Demolishing High-Concentration Public Housing on Crime // Federal Reserve Bank of Cleveland, Working Paper. - 2015. - No. 15-22R.
12. Housing Relocation Policy and Violence: A Literature Review // PubMed, PMID 26346748. [автор и журнал требуют проверки по первоисточнику].
13. Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. - Владикавказ, 2009. - 496 с.
14. Гниломедова Р.А. Геоинформационный анализ преступности в городе Москве // Наука в мегаполисе. - 2025. - № 5(73). [науч. рук. Самусенко Д.Н.].
15. Бахтеев Дмитрий Валерьевич, Леднёв Илья Валерьевич ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ И ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ // Всероссийский криминологический журнал. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geograficheskoe-profilirovanie-i-geoinformatsionnye-sistemy-v-izuchenii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 07.09.2026).
16. Мэрия решила снизить преступность в Москве с помощью сноса пятиэтажек // РБК. - 09.01.2018. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2018/5a5388399a794775f622feba> (дата обращения: 01.09.2026).
17. Закон Республики Узбекистан «О градостроительной реновации» от 2026 г., № ЗРУ-1149 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. - URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 01.09.2026).